

ББК 63.3(2)64-3

Я.Ю. Шашкова

**Особенности транзита 90-х гг. XX в.
как детерминанта современного российского
политического режима**

Ключевые слова: транзит, Россия, теории трансформации, политическая культура, политическая элита.
Key words: transition, Russia, theories of transformation, political culture, political elite.

Еще совсем недавно конец XX в. для стран Центральной и Восточной Европы, в том числе России, было принято рассматривать как часть «третьей волны» демократизации, разрастающегося в мировом масштабе процесса распада тех или иных разновидностей авторитарных режимов и перехода к постепенному выстраиванию консолидированной демократии либерального типа. Однако, оценивая отечественный политический процесс последних десятилетий, более обоснованным представляется тезис о том, что «институциональная стабилизация и режимная консолидация далеко не равнозначны консолидации либеральной демократии» [1, с. 70], существует необходимость разделения посткоммунистического перехода на два разных процесса: разрушения существовавших до этого структур авторитарной власти и создания новых политических структур, которые должны занять место прежних.

Впервые эта идея была высказана автором многочисленных исследований политического развития в странах Латинской Америки, одним из авторитетнейших транзитологов Г. О'Доннеллом, считавшим, что общий процесс демократизации состоит не из одного, а двух последовательных переходов: первый (*transition*) ведет к «установлению демократического правительства»; второй (*consolidation*) – к «утверждению демократии», или к «эффективному функционированию демократического режима». В первом случае речь идет о формировании институциональных основ демократической системы, обеспечивающих сменяемость политических лидеров посредством демократических процедур. Во втором случае имеется в виду упрочение самой демократии как общественно-политической системы, предполагающее приобщение подавляющей части общества (включая не только политические, общественные организации, институционализированные группы интересов, но и массовые слои населения) к ценностям демократии, осознание демократии как наиболее совершенной формы политического устройства по сравнению со всеми другими его формами [2].

Применение данного подхода делает возможным объяснить результаты транзита в некоторых странах, в частности, в России, когда осуществился только первый переход, а стабилизация режима происходила уже на основаниях, далеких от демократических. Имело место формирование так называемых фасадных, делегативных демократий (см. [3; 4, с. 49; 5, с. 20]), представляющих собой не только различные гибридные политические режимы, в разных пропорциях сочетающие демократические и авторитарные институты и практики, но и псевдодемократии, просто имитирующие лишь некоторые формальные признаки демократии (например, видимость выборов или многопартийности) [6, с. 136–137].

При этом, в основном соглашаясь в оценке трендов российской трансформации, исследователи продолжают обсуждать вопрос о причинах неудачи российской демократизации, естественно, обращая внимание, в числе прочего, на факторы процесса – условия, которые либо способствуют, либо, наоборот, препятствуют ее успешному утверждению. И в данной статье важно проанализировать роль так называемых «ситуационных» факторов отечественного транзита, показать, что усиление авторитарных тенденций в российской политике начала XXI в. стало результатом сознательного выбора политической элиты на фоне особенностей состояния массового сознания того периода.

Говоря о факторах трансформации, их обычно разделяют на эндогенные и экзогенные. К первым относят наличие и характер «доавторитарного» политического опыта, тип и особенности распадающегося или распавшегося недемократического режима, условия и обстоятельства самого авторитарного распада, стратегии, избираемые ключевыми политическими акторами в процессе транзита, и др. Ко вторым – внешнюю среду, степень включенности в основные международные структуры и институты, масштабы международной политической, экономической и иной поддержки и т.п. Кроме того, некоторые авторы отмечают роль таких структурных предпосылок демократической консолидации, как «гражданская» политическая культура и гражданское общество (см., например, [7, гл. 12]), относительно высокий уровень социально-экономического развития в сочетании с умеренной инфляцией и снижающимся имущественным неравенством, а также более или менее равномерное распределение совокупных общественных

* Работа подготовлена в рамках гранта РГНФ (проект № 08-03-00007а).

ресурсов – экономических, политических, идеологических, интеллектуальных и пр. [1, с. 66].

Однако степень влияния указанных факторов оценивается по-разному. В связи с этим можно говорить о существовании в западной политической мысли двух наиболее значимых подходов: элитистского и институционального. Авторы элитистских теорий (Дж. Хигли, Р. Гантер, М. Бартон, А. Пшеворский, Я. Пакульский, Р. Гюнтер и др.) считают, что первостепенное значение для результатов демократизации имеет не наличие предпосылок демократии, а стратегии и тактики акторов, которые инициируют и осуществляют демократизацию, последовательность и взаимообусловленность их политических решений и действий. Они акцентируют внимание на влиянии внутриэлитных взаимодействий на характер демократического транзита и обусловленности стабильного демократического правления фактором единства элит.

Институционалисты же (Дж. Дьюи, А. Валенсуэла, А. Лейпхарт, Х. Линц, А. Степан и др.) указывают на важность институционального выбора (прежде всего выбора президентской или парламентской форм правления, вариантов избирательной системы, типа конституции и т. д.) в процессе консолидации демократии [8; 9; 10, с. 126].

В то же время ни первый, ни второй подход не рассматривают в качестве значимого фактора так называемый контекст – совокупность некоторых социально-экономических и культурных факторов, которые, по мнению С. Липсета, Г. Алмонда и С. Вербы, Р. Инглхарта, Л. Пая и др., создают благоприятный климат для формирования стабильной, устойчивой демократии. К нему, в частности, относят обретение национального единства и соответствующей идентичности; достижение достаточно высокого уровня экономического развития; массовое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, межличностное доверие, чувство гражданственности и т. д.

В настоящее время в западной литературе наблюдается синтез указанных подходов, распространяется мнение о том, что они скорее взаимно дополняют друг друга, поскольку анализируют различные аспекты одного и того же явления.

В отечественной же политологии, особенно последнего десятилетия, большую роль играет структурный подход, причем тренды российского транзита объясняются не столько ситуативными, сколько историческими причинами. Отмечается, что инициатором, двигателем и организатором российской модернизации всегда выступала власть, цели модернизации определялись интересами властвующей элиты, детерминируя строгий отбор заимствованных образцов. С другой стороны, этот процесс сопровождался ломкой прежнего уклада жизни населения. Реформирование опережало созрева-

ние народа для перемен и не соотносилось его осознанными потребностями. Менялись системы, режимы, но административно-принудительный характер модернизации страны оставался прежним. Если же в российской истории возникали ситуации разнонаправленности процессов модернизации государства и общества, а они периодически случались, то задачи модернизации государства, усиления его военно-бюрократической мощи решались за счет общества, его антимодернизации и архаизации [11, с. 125].

Ту же роль играло обращение к отечественной политической культуре, имеющей этатистскую ориентацию. Государство у нас всегда воспринимается как нечто гораздо большее, нежели «ночной сторож», т.е. чисто политический институт с ограниченными функциями и задачами, как становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической. Поэтому основной моделью взаимодействия с государством в сознании нашего общества стал патернализм, попечительство со стороны государства, ожидание от него постоянной социальной помощи, разных льгот и привилегий. С другой же стороны, в определенных ситуациях население требует полной, граничащей с анархией свободы, последствия которой непредсказуемы [12–13].

Это приводило к уникальной ситуации, когда народ в России одновременно «нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти». «Вся русская история и вечный конфликт инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия, – писал в свое время великий русский философ Н. Бердяев, – породили глубокую противоречивость национального характера народа, выражающуюся в том, что он является в одно и то же время «государственно-деспотическим» и «анархически-свободолюбивым» [14, с. 15].

Корни этого, как отмечает ряд исследователей, заложены во взаимном отчуждении власти и общества. На протяжении многих веков российское общество оставалось и остается весьма пассивным, не пытающимся найти рациональные механизмы воздействия на власть, а та, в свою очередь, мало способна реагировать на потребности общества. Широкое распространение получили правовой нигилизм, неверие в эффективность законов и беспристрастность судей, бездействие, воспринимаемое как «вечное русское терпение», убеждение, что сделать ничего нельзя, изменить ничего невозможно. Присутствовала и эсхатологичность национального сознания: вера в то, что имеется некое абсолютное решение, способное избавить людей от страданий и несправедливости, и это решение – последнее, дальше уже жизнь сама потечет по правильному руслу. По сути укоренилась «традиция безответственного суверенитета»: власть мыслила себя в ответе лишь перед сущими или воображаемыми трансцендентными силами, а не перед своими подданными [13, с. 81].

Однако, на мой взгляд, жестко обуславливать судьбу демократизации характером свойственных обществу политической культуры и политических традиций не совсем корректно. Конечно, в кризисные периоды влияние традиционных, базовых компонентов политической культуры на массовое сознание усиливается. Потеряв четкие ориентиры развития, общество начинает воспроизводить привычные ценности и модели поведения. Но и политическая культура эволюционирует под влиянием происходящих в обществе процессов [15, с. 33; 16, с. 117–118], а потому, признавая некоторое влияние политических традиций на трансформацию российского режима, необходимо в первую очередь исходить из особенностей социальной ситуации в России конца XX в. как детерминант современного этапа отечественного транзита.

В частности, можно согласиться с рядом политологов и экономистов в том, что немалую роль в неуспехе демократической трансформации сыграл экономический фактор, необходимость параллельно осуществлять болезненные экономические реформы. Имел место так называемый двойной переход, кардинальным образом отличивший «переходы в бывших коммунистических странах... от переходов, происходивших в странах Запада», при котором «изменения экономической системы сопряжены с большими трудностями, чем политические изменения» [17, с. 156; 18, с. 146]. В результате массы, для которых демократия зачастую ассоциировалась не столько с политическими свободами, сколько с экономическим благополучием, удовлетворением их материальных запросов и ожиданий «как на Западе», оказались разочарованы в реформах в целом и уже на выборах 1995 г., названных А.Ю. Мельвилем «выборами разочарования» [1, с. 68], поддержали риторику антидемократических сил, выступавших за авторитарные методы правления как за единственную альтернативу продолжению экономического упадка при демократии.

Массовые настроения, окрашенные «недовольством другими и собой, жалобами на неудачную жизнь, озлобленность, грубость и агрессивность окружающих, обидой на власть, на хроническую бедность, безысходностью и растерянностью» соединились с «зависимостью от власти». Результатом симбиоза стало восприятие носителей власти «как не имеющих альтернативы» на фоне отношения к политике в целом «как делу грязному, сопровождаемому общей коррупцией, злоупотреблением, воровством» [19, с. 275]. Так, по данным опросов Левада-центра за 1993–1999 г., доля людей, «испытывающих напряжение, раздражение», тем более «страх, тоску», была достаточно устойчивой. При небольших колебаниях в зависимости от ситуации она составляла в среднем 51% (соотношение позитивных и негативных настроений составляло 42:51, а удовлетворенность жизнью выглядела так: «вполне удовлетворен» – 12%, «отчасти» – 32% и «не удовлетворен» – 56%) [19, с. 276].

Таким образом, «негативный консенсус», сложившийся в конце 1980-х гг. и рассматриваемый транзитологами как необходимое условие на этапе первоначальных демократических трансформаций, когда демократическая политическая культура еще не сформировалась, оказался пролонгирован, обернувшись против самих реформаторов. Политическое значение этого факта проявляется, если вспомнить, что «негативный консенсус» обеспечивает общественное согласие на этапе «деструктивных» перемен, означая, согласно определению автора данного термина Дж. Нелсон, массовое недовольство прежним авторитарным режимом и осознание большей частью граждан провала старых экономических и политических институтов и стратегий. В ходе же дальнейших экономических и политических изменений, как подчеркивала Дж. Нелсон, возникает настоятельная потребность в «позитивном консенсусе», включающем, по крайней мере, общее понимание конечных целей реформ и согласие относительно желаемых форм общественного устройства [18, с. 157; 20, с. 49–62].

Иными словами, успешное продвижение по пути поставторитарного развития оказывается невозможным без перехода от «жажды разрушения» к согласию относительно принципов, на которых должна осуществляться фундаментальная общественная трансформация. А именно этого в нашей стране и не произошло, в первую очередь в связи с особенностями разрешения вопроса субъекта трансформации.

Не считая абсолютно правыми сторонников элитистского направления, видящих в результатах транзита лишь продукт выбора и деятельности политических элит, необходимо согласиться с тем, что неготовность масс к демократии после падения авторитарного строя, зависимость ее перспектив от заинтересованности в ней элиты представляют собой нормальное явление. Если на первом этапе перехода к демократии ее судьба целиком зависит от поведения элиты, то на следующем этапе, этапе консолидации, массы постепенно приобщаются к ценностям демократии, осознают ее как наиболее совершенную форму политического устройства, и новые институты окончательно утверждаются в повседневной жизни.

Потому столь принципиальное значение для итогов трансформации и приобретает вопрос о субъекте преобразований, той социально-политической силе, доминирование которой определит ход и результаты транзита.

Российская конфигурация субъектов была задана событиями начала 90-х гг. XX в., которые политолог Ю. Нисневич совершенно обоснованно, на мой взгляд, определил как «номенклатурно-демократическую революцию». На тот момент движущими силами преобразований выступили две социальные группы: «с одной стороны, относительно небольшая демократически настроенная часть российского общества, в основном проживающая в столице и крупных научно-промышленных

центрах и испытывая влияние диссидентской идеологии, а с другой – часть советской номенклатуры, сравнительно молодой по возрасту и не видевшей для себя реальных перспектив быстрого карьерного роста и продвижения в высшие эшелоны власти» [21].

При этом демократическо-интеллигентский элемент модернизаторов и создаваемые ими субъекты массовой политики, такие как общественные движения, профсоюзы, политические партии, в силу отсутствия ресурсов и/или стратегий, навыков, уклада жизни, исторически сложных и противоречивых отношений между интеллигенцией и «простыми людьми», оказались слабы и не смогли организовать в крупные и долговременные политические структуры. Более того, независимо от своих целей, они зачастую «выступали своего рода инструментом в борьбе элитных акторов за политическое господство» или возникали «благодаря задаваемой элитными акторами структуре политических возможностей», таких, например, как конкурентная партийная система [22, с. 23].

Определенную роль в кризисе «демократов-романтиков» сыграла их жесткая ориентация на мировой опыт транзита, в соответствии с которым демократизация всегда происходила в форме заимствований у более «продвинутых» в плане демократии стран, а также упрощенные представления о самом механизме перехода. Конечно, они осознавали наличие серьезных препятствий демократизации, создаваемых социально-экономическими, культурными, ментально-психологическими структурами российского социума, но были убеждены в силе институционального детерминизма. Им казалось, что легитимация частной собственности и приватизация позволят быстро создать современную рыночную экономику, а введение института свободных выборов органов власти, многопартийности и демократических свобод (слова, печати, общественных объединений и т.д.) гарантируют демократичность политического строя.

Из внимания демократов выпал тот факт, что европейская история протекала и базировалась на иных основаниях, чем российская, на идущем от Рима городском самоуправлении и представлении о священности частной собственности. Демократические институты в их классическом понимании стали продуктом и историческим этапом в развитии западной цивилизации, а потому убежденность в возможности их ускоренного развития в иной исторической среде стала иллюзией.

Демократы не учли, что в процессе функционирования политические структуры и институты как бы «обволакиваются» нормами и стандартами политической культуры общества [12, с. 320], подгоняя их формальные нормы под ценностные приоритеты граждан. Тем самым неизбежно трансформируются и поведенческие практики последних. А это в ряде случаев способно едва ли не полностью перенаправить деятельность институтов, изменив их специфические функции, транс-

формировав их формальные задачи и прочие параметры деятельности. Причем такое положение касается всех, а не только государственных институтов. К примеру, номенклатурный стиль деятельности партийных и прочих чиновников привел к перерождению демократических институтов, переориентируя их деятельность на узкокорпоративные интересы.

Кроме того, демократы в процессе реформирования не смогли опереться на поддержку широких масс. Как указывалось выше, начавшиеся социально-экономические реформы, не оправдав массовых надежд на быстрое и относительно легкое обогащение, вызвали сопротивление общества. Часть его просто боялась перемен, не желая «что-либо радикально менять (в том числе и жить лучше, но иначе, чем жили до сих пор)», присоединившись к уже существующей общественной консолидации на основе «негативной идентичности» [19, с. 274–275]. Так, например, в сентябрьском всероссийском опросе ВЦИОМ 1995 г. почти половина (45%) респондентов выразила согласие с суждением, что «было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 г.», и только менее трети (29,5%) были с этим не согласны. Примерно такие же соотношения ответов были выявлены в опросах апреля и сентября 1994 г. [23, с. 11].

Демократы, со своей стороны, не занимались ни разъяснением обществу смысла и механизма экономических реформ, ни его демократическим просвещением, не заботились об укреплении связей с массовыми социальными группами путем создания организаций, в рамках которых эти группы могли бы осознавать и защищать свои интересы на основе демократических ценностей, участвуя тем самым в трансформационном процессе. А ведь согласно теории конгруэнтности американского политолога Г. Экстайна, эффективность проводимой политики зависит от степени соответствия (конгруэнтности) модели политической власти моделям власти социальной. В обществе, где отношения в семье, школе, экономических и общественных организациях строятся исключительно на авторитарных принципах, не может быть стабильной демократии, и наоборот: там, где получили распространение преимущественно демократические модели социальной власти, невозможен стабильный авторитарный режим [24, с. 40].

В результате режим начал постепенно приобретать характерные для номенклатуры черты, в частности, использование руководящих должностей исключительно как средства повышения личного материального благосостояния, конкуренция группировок-кланов, формирующихся «на основе персональных родственных, образовательных, производственных» и территориальных связей и личной преданности, способность и стремление проникать во все наиболее значимые государственные и негосударственные структуры с целью подчинения их своему влиянию, превратившись в «номенклатурно-олигархический» [21; 25, с. 40; 26, с. 39].

Ему свойственна экономическая власть патрон-клиентских (по терминологии политолога М. Афанасьева) группировок, в рамках которых происходит слияние правящей бюрократии, центральной и региональной, с частным предпринимательством. В этом союзе доминирует бюрократия: даже наиболее мощные олигархические экономические группировки, возникшие в период перестройки и реформ, могут сохранять свои позиции, лишь опираясь на «дружественные» круги в правительстве или президентской администрации. Данный тип формирования экономической и политической элиты в ходе трансформации в международной транзитологии описывается как «замещающий» (*transpacement* – у С. Хантингтона, *extrication* – у Шера и Мейнваринга).

Таким образом, вслед за И.К. Пантиным можно констатировать, что «Россия приступила к реформам... в отсутствие общественного субъекта преобразований. Ни одно общественное движение, ни одна политическая партия... не достигали до уровня политической, культурной гегемонии. ... а потому, как и раньше, инициативу преобразований перехватила государственная власть, ее либеральные звенья». Переустройство «политического и экономического укладов» началось «с помощью рычагов государственной власти, с сохранением прежнего типа государства и его приоритета по отношению к обществу, с традиционным всевластием чиновничества и т.п.» [27, с. 156]. В результате созданные «эталонные» демократические институты и отношения как бы зависли в воздухе, превратились в своего рода политический фасад, за которым скрывалось господство новых экономических кланов и произвол коррумпированной бюрократии [28, с. 119].

Тем самым российский транзит приобрел «кратократический» характер, подразумевающий смену форм организации власти, движение от одних властных структур к другим в ходе ее адаптации к меняющимся условиям [29, с. 227]. Введение демократических институтов (выборность, политический плюрализм, система представительных институтов, гражданских и

политических свобод) носило в значительной степени вынужденный и имитационный характер и было обусловлено решением задач обеспечения безопасности и интеграции в мировое сообщество в новых условиях, накладываясь на поощрение со стороны Запада, с которым российской элите хотелось стать на равных, и популярность лозунга демократии, под которым развертывалось на рубеже 1980–1990-х гг. относительно массовое движение [30, с. 252–253].

На тщательную выстроенность и поддержку правящими элитами постсоветских режимов указывала и М. Отгауэй [31, с. 7]. Факторами их образования она считает сочетание «сознательных маневров политиков», включая тех из них, кто полагается на систему властных отношений, не вписывающуюся в рамки демократических процессов и институтов, и объективных обстоятельств, «снижающих значимость демократии для большей части населения, озабоченного скорее проблемами экономической и физической безопасности, чем достижением демократических целей» [31, с. 134].

В результате в российском обществе рубежа конца XX в. возник своего рода замкнутый круг: демократические политические институты не смогли стать достаточно эффективными, поскольку не пользовались необходимой поддержкой со стороны масс и элитных групп, а получить поддержку и легитимность эти институты не могли, так как в глазах большинства населения не являлись способными помочь в решении встающих перед обществом проблем. Это осложняло выбор в пользу институциональной демократии и усиливало массовую веру, будто только укрепление исполнительной ветви власти может дать определенность и экономическую стабильность. Соединившись с аналогичными устремлениями части политического и интеллектуального класса, который в большей степени, чем само общество, оказался неспособным к жизнедеятельности в условиях конкурентной среды, они породили так называемый авторитарный синдром, определивший содержание российского транзита первого десятилетия XXI в.

Библиографический список

1. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций / А.Ю. Мелвиль // Полис. – 2004. – №2.
2. Даймонд, Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? / Л. Даймонд // Полис. – 1999. – №1.
3. Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes / L. Diamond // Journal of Democracy. – 2002. – April.
4. Карозерс, Т. Конец парадигмы транзита / Т. Карозерс // Полит. наука. – 2003. – №2.
5. Дахин, А.В. «Мы в мире – мир в нас»: 50 лет интеграции отечественной политологии в мировую политическую науку / А.В. Дахин // Полис. – 2005. – №6.

6. Мельвиль, А.Ю. Транснационализация мировой политики и ее «противофазы» / А.Ю. Мельвиль // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004.
7. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М., 2000.
8. Linz, J. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe* / J. Linz, A. Stepan. – Baltimore, 1996. URL: http://books.google.ru/books?id=TqRn11AypsgC&dq=Linz,Stepan+Problems+of+democratic+transition&printsec=frontcover&source=bn&hl=ru&ei=hbJuStaQBcbB-Qb5tfDnBw&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=4

9. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах / А. Лейпхарт. – М., 1997.
10. Никовская, Л.И. Природа конфликтности российской политической трансформации / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // Полития. – 2005. – №2.
11. Пантин, В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития / В.И. Пантин. – М., 1997.
12. Соловьев, А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита / А.И. Соловьев // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004.
13. Лебедева, Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований / Т.П. Лебедева // Полис. – 2004. – №2.
14. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
15. Глебова, И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы / И.И. Глебова // Полис. – 2006. – №1.
16. Малинова, О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе / О.Ю. Малинова // Полис. – 2006. – №5.
17. Linz, J. Transitions to Democracy / J. Linz // Washington Quarterly. Summer 1990.
18. Вайнштейн, Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий / Г.И. Вайнштейн. – Дубна, 2001.
19. Гудков, Л. Негативная идентичность / Л. Гудков. – М., 2004.
20. Nelson, J. Linkages between Politics and Economics / J. Nelson // Journal of Democracy. – Vol. 5. – 1994. – №4.
21. Нисневич, Ю. Номенклатурный апокалипсис / Ю. Нисневич [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openforum.ru/meeting/871.html>
22. Россия регионов: трансформация политических режимов. – М., 2000.
23. Гордон, Л. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени / Л. Гордон, Э. Клопов // Социс. – 1998. – №1.
24. Миронюк, М.Г. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) / М.Г. Миронюк, И.Н. Тимофеев, Я.И. Ваславский // Полис. – 2006. №5.
25. Игрицкий, Ю.И. Власть, политический процесс и публичная политика в России (анализ литературы и концепций) / Ю.И. Игрицкий // Политическая наука. – 2005. – №1.
26. Дилигенский, Г.Г. Демократия на рубеже тысячелетий // Политические институты на рубеже тысячелетий / Г.Г. Дилигенский. – Дубна, 2001.
27. Пантин, И.К. В чем же заключается выбор россиян? / И.К. Пантин // Полис. – 2003. – №6.
28. Пантин, И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего / И.К. Пантин // Полис. – 2007. – №4.
29. Глебова, И.И. Беспартийная Власть и ее партийная организация / И.И. Глебова // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004.
30. Холодковский, К.Г. Политическая модернизация и будущее России / К.Г. Холодковский // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004.
31. Ottaway, M. Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism / M. Ottaway. – Washington, 2003. URL: http://books.google.ru/books?id=mLBIBadTTpEC&dq=Marina+Ottaway,+Democracy+Challenged:+The+Rise+Semi-Authoritarianism&printsec=frontcover&source=bn&hl=ru&ei=8tNnSp31GJ2NjAeQ9IW3Cw&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=4